

ДУГЛАС РИД

ХОТЕЛ ЛИ ГИТЛЕР
ВОЙНЫ. БЕСЕДЫ С
ОТТО ШТРАССЕРОМ

Мемуары Второй мировой

Дуглас Рид

**Хотел ли Гитлер войны.
Беседы с Отто Штрассером**

«Алисторус»

1940

Рид Д.

Хотел ли Гитлер войны. Беседы с Отто Штрассером / Д. Рид — «Алисторус», 1940 — (Мемуары Второй мировой)

Дуглас Рид – британский журналист, общественный деятель 30–50-х гг. XX века. В России известен как автор нашумевшей книги «Спор о Сионе», посвященной «еврейскому вопросу». Книга посвящена «горячим» политическим проблемам мировой истории времен Второй мировой войны. Книга содержит уникальные материалы, позволяющие по-новому взглянуть на историю Третьего рейха и международных отношений, роль европейских стран и СССР в истории и написана по результатам встреч с Отто Штрассером, бывшим сподвижником, а затем – первым публичным противником Адольфа Гитлера. Таким образом, в основе этой книги – свидетельство современника и очевидца, отражающее непосредственное, современное событиям восприятие происходящего, совмещенное с оригинальным историческим анализом.

Содержание

Вступление	5
Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дуглас Рид

Хотел ли Гитлер войны.

Беседы с Отто Штрассером

Вступление

Казалось, ответ на вопрос о том, *кто* начал войну, определен раз и навсегда. Война у нас – для всей страны – была одна: Великая Отечественная, Вторая мировая. Начала Германия. Другие страны Запада сначала попустительствовали, потом выжидали. Мы немцев победили, тысячелетний *Drang nach Osten* в военном плане потерпел провал. Цена была уплачена колоссальная. Помним до сих пор.

Вроде все ясно: белое – это белое, черное – это черное, и даже книги разных перебежчиков роли не играют. О том, где дали маху или почему «просели», знаем и сами. Чего-чего, а самокритики, переходящей в самоунижение, нашему человеку не занимать.

Но все ли мы знаем о начале войн XX столетия и уж тем более о войнах наших дней? Все ли мы понимаем *правильно*, не так, как нас *учат* понимать СМИ и разного рода ньюсмейкеры, вколачивающие в наше сознание нужные им стереотипы?

За время, прошедшее с окончания Второй мировой, было много локальных конфликтов. И каждый раз мы, увы, не замечаем, как во многих из них проявляется то, что называют «мировыми тенденциями». Мы не понимаем их по одной причине: нас вводит в заблуждение *форма, внешний вид, обертка*, хотя *направленность* этих тенденций вечна и неизменна.

Но есть и другая сторона – наличие того, что принято называть тайной дипломатией, а также существование интересов экономических, политических, национальных групп, которые преследуют сугубо свои корпоративные цели. Автор этой книги изучал именно эту, закулисную, сторону мировой политики, в том числе и накануне Второй мировой.

Сегодня часто говорят: зачем копать в прошлом, ведь все равно на дворе другое время? Время и правда другое, но только на календаре. Но мы видим, что, когда европейским государствам и их патрону, США, нужно решить *свои* геополитические проблемы в Европе, они действуют точно так же, как действовали Англия и Франция накануне Мюнхенского соглашения. Война против Югославии, война в Ираке, проникновение в Закавказье... это только некоторые из примеров последнего десятилетия. И в этой ситуации поражает то, насколько *сходятся* цели и информационное сопровождение этих агрессий, а визуальный ряд вызывает крайне неприятные ассоциации. Во время натовской агрессии в Югославии на телеэкране промелькнули кадры, снятые в танковом подразделении немецкого контингента. Картинка просто резанула по сердцу – они *стояли* так же, как их прадеды в 41-м где-нибудь на Смоленщине, так же *улыбались*, так же *чувствовали себя хозяевами* над подмятой гусеницами их танков не своей землей.

Отдельно стоит вопрос о фальсификации истории. Можно сколько угодно смеяться над российским руководством, которое создает специальные комиссии по борьбе с фальсификаторами, но проблема-то есть! Уже политическая система СССР приравнена к нацизму, уже действия в отношении Польши перед Второй мировой объявлены геноцидом, уже Парламентская ассамблея народов Европы (!) перелагает ответственность за развязывание Второй мировой *исключительно* на Советский Союз и Германию... куда же дальше?

Все эти демарши имеют далеко идущие последствия. То, что происходит очередная попытка со стороны ряда европейских государств и США найти козла отпущения и окончательно дистанцироваться от событий войны, не видно только слепому. Но пересмотр итогов войны *на словах* вполне может завершиться пересмотром европейских границ *на деле*. Причем

границ, определенных по итогам Второй мировой. Пробная попытка в Югославии уже была сделана. Сколько еще надо таких попыток, чтобы все нормальные люди поняли, *что* в действительности происходит вокруг них и чем все это чревато?

Книги Дугласа Рида отвечают на этот вопрос, заставляя каждого из нас думать и не верить в белозубые улыбки и очередные PR-заклинания о «цивилизованных странах», желающих всем не похожим на них исключительно добра и счастья.

Предисловие

Эта книга об одном немце. Его зовут Отто Штрассер. Протолкавшись, если можно так сказать, к сцене в двух своих других книгах¹, в этой я хочу сыграть роль эдакого конференсье – человека, который открывает представление, а затем прячется за кулисами. Представление идет своим чередом, а этот тип время от времени, в перерывах между действиями, выходит на авансцену, чтобы напомнить вам о своем присутствии и о том, что именно он распоряжается всем действием и что без него ничего толком и не случится.

Сегодня, когда война уже началась и сложнейший вопрос, терзавший нас на протяжении многих лет, наконец-то получил ответ, со всей очевидностью встают новые и новые вопросы. Их очень много, но заслоняет все один-единственный: «Какой выйдет из этой войны Германия?» В поисках ответа на него мы неизбежно должны обратиться к фигуре Отто Штрассера, человека, о котором до войны знали разве что единицы. А между тем фигура эта очень важна.

Он может сыграть весьма существенную роль в ответе на поставленный мною вопрос. Я говорю «может» потому, что война – штука менее предсказуемая, чем мир; это как перерубленный кабель высокого напряжения, конец которого мотает во всех направлениях, и вы никогда не знаете, где, как и кого он заденет; и рубильник тут уже бесполезен.

Многие люди, писавшие на эту тему, вполне аргументировано показали, что события, приведшие к войне, можно было весьма точно предсказать заранее: строго говоря, это – их ремесло, и они вполне могли сделать это подобно доктору, который по особым признакам может рассказать о перспективах развития болезни. И лорд Галифакс, выразивший в одной фразе общую позицию большинства британцев, всего лишь облек в словесную форму ложный посыл, пусть и звучащий крайне убедительно. Он сказал: «Мы не верим людям, которые точно предсказывают грядущие события». Но это всего лишь обычная расхожая фраза, которая служит оправданием для прикрытия собственной бездеятельности и привычке откладывать все на завтра. Не более².

Политика в мирное время – очень точная наука. Об этом знают все, кто знаком с политиками. Война, эта «политика, реализуемая другими средствами», набрасывает на будущее своего рода дымовую завесу. Но сейчас, в начале 1940-го года, я бы заключил такое пари: Германия не выйдет из этой войны в виде государства, в котором безраздельно властвует Адольф Гитлер; не победит она и всех врагов. Ближайшие несколько месяцев или год-два покажут, что и в Германии происходят изменения. К власти в рейхе начнут приходить новые люди. Но это отнюдь не будет означать, что нашим тревогам и беспокойствам придет конец – напротив, это, возможно, будет только началом.

Отто Штрассер наделен особыми качествами, и он имеет некий шанс – если, конечно, воспользуется им. Ведь не так давно и Гитлер, который сегодня единолично восседает на троне,

¹ Вероятно, автор имеет в виду свои книги «Ярмарка безумия» и «Великий позор», посвященные предвоенной Европе. – *Примеч. пер.*

² *Эдуард Вуд*, лорд Галифакс (16 апреля 1881 – 23 декабря 1959) – английский политик, один из лидеров консерваторов. В 1925 – 1930 под именем лорда Ирвина был генерал-губернатором и вице-королем Индии. Стремился закрепить за ней статус доминиона, противодействуя движению за независимость. Затем сторонник умиротворения – попыток Невилла Чемберлена удовлетворить требования держав оси. Был министром иностранных дел в его консервативном кабинете в 1938 – 1940 гг., после того как Энтони Иден подал в отставку из-за нежелания идти на переговоры с европейскими диктаторами. Согласился на присоединение к нацистской Германии Австрии в 1938 г. (аншлюс) и на оккупацию Гитлером части Чехословакии по Мюнхенскому соглашению. Отказался от приглашения приехать на переговоры в Москву, переданного советским руководством через посла И. М. Майского 12 июня 1939 г., возможно, упустив шанс достичь договоренности с СССР и предотвратить возможность заключения Гитлером и Сталиным в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Во время Второй мировой войны был послом в США. – *Примеч. пер.*

был никому не известной фигурой; нынешний Отто Штрассер – малоизвестный эмигрант, но в недалеком будущем и он сможет вступить на путь, ведущий вверх.

Став мужчиной – а для моего неистового поколения это было в самом начале последней войны, в 1914 году, я больше прожил в Германии, чем в какой-либо другой стране, в том числе и у себя на родине. Я был поглощен изучением этой необычной, словно история про доктора Джекилла и мистера Хайда, страны, этого проклятия нашего времени. За несколько месяцев до того, как разразилась теперешняя война, уже будучи охваченным чувством, что она тут, она надвигается, я начал собирать материал об Отто Штрассере. Я верил, что когда война таки начнется, то это потерянное колено немцев, политэмигранты неизбежно станут важным фактором, неизбежно наберут политический вес, и что Отто Штрассер станет самым главным среди них. В то время в голове моей уже строились некие предположения о том, какой будет Германия после Гитлера, однако на тот момент общественное мнение в Англии не заглядывало так далеко, и эта книжка была бы несколько преждевременной.

Но вот война началась, и об этом человеке сразу заговорили. Это с новой силой возбудило мой интерес, и идея переросла в намерение. В ходе вечерних прогулок по улицам покоренного, но не выключившего иллюминации Парижа, закрытые магазины которого говорили о том, что вот война уже третий раз на жизни одного поколения приходит в этот город и изгоняет людей оттуда; во время посещения парижских ресторанов, среди господ со сверкающими лысынями и их блондинистых спутниц в мехах; долгими днями и вечерами в ходе непрерывной работы, сидючи в номерах отелей, я изучал Отто Штрассера, спорил с ним, вопрошал его, исследуя его боевое прошлое и его планы на будущее.

Результат этой работы настолько захватил меня, что справиться с желанием описать все это я просто не смог. Не только из-за политических принципов и планов Отто Штрассера; не только даже из-за силы его личности, хотя его присутствие было приятным и стимулировало к работе, да и к нему я относился очень хорошо, как, впрочем, к каждому отдельно взятому немцу, но из-за *содержания* его жизни, которое возбуждало во мне инстинкт рассказчика и тянуло меня к пишущей машинке.

За дни, прожитые в Париже, я как бы заново пережил жизнь человека С-Другой-Стороны; жизнь, гораздо более наполненную приключениями и событиями, чем моя собственная, которую очень трудно назвать монотонной; жизнь другого человека нашего неистового времени, человека, подпавшего под все возможные бури. Жизнь, по моему мнению, гораздо более увлекательную, чем жизнь Гитлера. С его помощью, через его личность я вновь прочувствовал пульс той бурлящей, беспокойной Германии, которая не дает нам успокоиться, той вызывающей неприязнь и в то же время очаровательной земли, где я прожил много лет.

Эта история изложена в настоящей книге. Меня в равной степени интересовали как приключения из жизни Отто Штрассера, так и его политические изыскания. Для меня было неприемлемо описывать жизнь и мысли другого человека в тот момент, когда мне самому было что сказать. Строго говоря, мне пришлось даже ограничить себя – я не мог время от времени выбегать на сцену или оттащить главного персонажа в сторону. Кто-то заметил по поводу моих предыдущих книг, что самым большим моим просчетом в них было то, что я все время выпирал свое «я» на первый план – в этом, собственно, и было чуть ли не главное их достоинство. Тем не менее, на этот раз я, едва не заработав инсульт, справился с собой и затушевывал свою авторскую сущность.

История, которую я должен рассказать, весьма важна. Гитлер почти отыграл свое. Он долго портил нам кровь. Он был чем-то вроде опереточного Наполеона с настоящей гранатой в кармане; словно нелепый ребенок, нарисованный карикатуристом, внезапно сошел с бумаги и предстал перед ошеломленной публикой, стреляя настоящими пулями из своего пистолета.

Еще немного мелодраматических поз, жестов и публичных речей – и он уйдет. А из-за кулис уже выглядывают кандидаты в преемники, и среди них двое основных: Геринг, толстый,

этакий гибрид Фальстафа и Нерона, безжалостный, коварный, известный всему миру. И Отто Штрассер, бедный, неизвестный, изгнанник, но не запуганный. Они оба значимы для вас, как были значимы Австрия, Чехословакия и Польша. Об этом я писал в «Ярмарке безумия» и «Безмерном позоре» – и оказался прав. Думаю, что и написанное ныне – тоже правда.

Ваше мужество, ваша решительность, ваше «то да се» не помогут вам, если ваши руководители упустят из рук мир. Если они сделают это, то вы окажетесь в самом незавидном положении. Человек по имени Гитлер не принесет вам пользы, а ваши страдания, ваши жертвы и ваше мужество в этой новой войне окажутся напрасны, так что последующие двадцать лет будут куда хуже, нежели только что пережитое нами двадцатилетие. Будущий мир гораздо важнее самой войны, и на своем собственном опыте вы сейчас видите, *что* значит потерять мир или, точнее, бездумно отбрасывать победу только потому, что вам не нравится напрягаться и собраться с силами последний раз, и вы намерены довериться громиле, потому что убоялись несуществующего призрака. Вот в чем важность этой истории, которую я расскажу в своей книге.

Глава 1

Заброшенная деревня

Весной 1939 года, проведя много лет за границей, я вернулся домой, в Англию. Я был свидетелем немецких вторжений в Австрию и Чехословакию. А поскольку я возвращался домой через Польшу, то со всей очевидностью узрел, что следующей жертвой будет именно эта страна. О чем и написал в «Безмерном позоре». Тогда я знал (и писал), что наша неизбежная дилемма, ставшая таковой благодаря нашей внешней политике, уже не просто требует решения, а вопиет о нем: либо мы должны вступить в войну с Германией, либо мы должны капитулировать и встречать в Лондоне немецкие войска.

Я видел, что пройдет несколько месяцев и мы будем вынуждены так или иначе принять решение. Я решил использовать это время для того, чтобы осмотреться вокруг и понять, что думает по этому поводу моя родная страна, поведение которой, тем не менее, сбивало меня с толку больше, нежели политика какой-нибудь другой державы. Я никак не мог понять, откуда берется этот ленивый скептицизм, сводящий на нет любые усилия, направленные на то, чтобы разбудить эту страну и, таким образом, избежать войны. Я не мог понять, откуда берется боязнь приложить хоть какие-то усилия, боязнь, которая, казалось, лежит в основании такой позиции. Я не мог понять, почему эта страна, с одной стороны, совершенно пассивно дает вовлечь себя в войну, которой можно избежать, а с другой стороны, открывает настежь ворота для притока не ассимилирующихся в этой среде иностранцев, намерение которых, с началом войны, стало очевидным: устроиться на местах, оставленных молодыми британцами, которые не сегодня завтра уйдут на поле брани.

Кроме того, смутно рисовавшееся состояние Англии после войны было полно опасных призраков, причем надеяться на пробуждение общественного мнения в этой ситуации было бы так же глупо, как на его пробуждение ввиду грозящих опасностей войны. Все, что было хорошего в Англии, оказалось погребено под чужеродным, принесенным извне образом жизни и образом мыслей, который завоевал неслыханно прочные позиции в литературе и прессе, в театрах, на киноэкране, в радиопередачах и ресторанных меню, в искусстве, парламентских дебатах – одним словом, везде.

Мы собирались вступить в войну, чтобы в очередной раз сохранить целостность Англии и не допустить неприятеля на ее землю. И в то же время мы открыли свои границы чуждым влияниям, подобных которым они никогда не видели. И самой безумной, выходящей за пределы здравого рассудка вещью, которой я не видел даже в сумасшедшем доме Ярмарки безумия, было то, что мы собирались дать этим чужакам преференции по отношению к нашим, своим, коренным жителям. Их нужно было назначать на места, освобожденные молодыми людьми, ушедшими на фронт. А уж если они сами изъявляли желание «пойти на военную службу», то они могли даже получить британское гражданство – но условием этой, с позволения сказать, «службы» (давайте будем честны!) было то, что их никогда не посылали на передовую! Их жизни нужно было хранить любой ценой, дабы после войны они могли жить в Англии мирно и обеспеченно; а тем временем жизни молодых англичан бездумно пускались на ветер.

У меня нет подходящих слов, чтобы описать это умопомешательство. Я видел то, что нас ожидает, и описал это в «Безмерном позоре». И вот оно свершилось. Две вещи, которые я предвидел и которых боялся – война, которая пожрет в своем горниле еще одно поколение британцев, и чужеродное влияние, которое поражает гнилью самые корни британской жизни, стали реальностью. Перспектива мрачна. И при таком раскладе мы не станем лучше по окончании войны – и даже не важно, выиграем мы или нет. Но для этих, вновь прибывших, это будет игра в «орла или решку». Я видел, как эти люди подбрасывают монетку в Берлине и Вене.

Похоже, что мы крепко-накрепко привязали себя к политике, суть которой – делать ошибку за ошибкой. И состояние дел в Англии не сулит ничего хорошего.

И вот, находясь в таком неудовлетворительном состоянии, я отправился в поездки по Англии. Свои впечатления я опишу в другой книжке. Патриоту, радеющему за свою землю, они не прибавили смелости; напротив, его опасения лишь усилились, так что по окончании войны, в случае если эта политика будет продолжена, вы увидите, что они были совсем небеспочвенны. В этих поездках я увидел много интересного, побывал в незнакомых и странных местах, в одном из которых, кстати, самом странном, я и принял решение написать книгу об Отто Штрассере.

Итак, настроившись на новый лад, я двигался вдоль пустынного побережья и вдруг наткнулся на голдсмитовскую «покинутую деревню»³, загадочное, полное тайн место, скрывающееся за утесом. Оно появилось передо мной словно из ниоткуда.

Разрушенная гостиничка; дома без стен и крыш; пустынные, усыпанные дранкой улицы; случайный цветок, выглянувший из развалин, словно желающий показать, что когда-то здесь был сад; куски старых обоев; ржавые каминные решетки, за которыми когда-то горел огонь, согревая усталых рыбаков; пара цыплят, клюющих какой-то сор; одинокая взлохмаченная женщина с одним здоровым глазом и единственным зубом во рту. Она стояла, прислонившись к стене и смотрела, как я иду по улице. Это было самое жуткое место, в котором я когда-либо бывал. Я шел по дранке, и из-под моих ног вылетали резкие, неприятные звуки. И хотя солнце еще стояло высоко в небе, ощущение было не из приятных.

Я увидел, что женщине просто не терпится поговорить со мной, и поздоровался. Она ответила: «Добрый день, господин», после чего поведала мне простую историю. Когда-то здесь была вполне зажиточная рыбацкая деревня. Но как-то ночью сюда нахлынула волна, да такая, какой никто никогда не видывал, и разрушила деревню. Никто, правда, не погиб, однако все рыбаки предпочли переселиться в дома, которые построило правительство в более безопасном месте, примерно милей выше от этого утеса, отсюда его не видно. Так что все уехали, все – кроме нее.

Она же предпочла (почему, об этом я так и не узнал) отстроить свой дом на прежнем месте, и вот уже много лет она живет здесь, одна-одинешенька в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки. Здесь был хороший пляж, поэтому летом у нее жили какие-то постояльцы; порой к ней заезжали любопытствующие автомобилисты, которым она подносила чашку чая. Но сейчас все прекратилось – власти считают, что ведущая сюда с вершины холма дорога слишком опасна, а потому перекрыли ее шлагбаумом. Так что всякие путешественники останавливаются уже на холме и не спускаются вниз, в разрушенную деревню. А теперь еще война и никаких тебе отдыхающих. Да еще эта светомаскировка...

Светомаскировка! Только ее окно светило среди этих руин, отбрасывая отблески на волны, плескавшиеся чуть ли не у крыльца. Через это окно ей был виден свет от большого маяка, что стоял на мысу в миле отсюда. Он и теперь, во время войны, как и в часы мира, обходил дозором окрестности, представляя на всеобщее обозрение и шхуны британских рыбаков, и подлодки немцев. «Я тут, я тут, я тут», казалось, говорила крыша ее дома, попадая под его слепящий луч.

Свет был ее другом. Но теперь по ночам она могла его и не увидеть. И хотя в ее доме уже не было никаких гостей, да и зима приближалась, так что сюда почти никто не забредал, тем не менее, человек, ответственный за светомаскировку, приходил к ней сверху и приказывал тушить огни. Как же смеялся Большой Огонь, когда исчез его товарищ, Маленький Огонек, который он видел столько лет! И вот теперь она сидела одна-одинешенька в своей

³ Аллюзия на одноименную поэму-элегию классика английской литературы Оливера Голдсмита (1728 – 1774). – *Примеч. пер.*

маленькой комнате, в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки, посреди этих кирпично-цементных призраков, и затемняла свое маленькое окно. Ее комната не была защищена от газов, она ничего не понимала в этом. Но как же она ненавидела светомаскировку!

– А вы берете постояльцев в это время года? – спросил я ее после того, как она закончила свой рассказ.

– Да, господин, – с удивлением в голосе ответила она.

– Знаете... у меня есть пара свободных дней, так что я останусь у вас, – сказал я. – Мне просто надо кое-что обдумать.

Это было очень странное место. «Что ж, была не была», – подумал я, оглядываясь по сторонам. В комнате было сыро, как в колодце, она была невелика – в ширину словно входные двери в храм. Впрочем, я бывал и в худших, хотя и не в таких странных местах.

Очень хорошее место для размышлений. Я думал о войне, о том, что будет после нее, стоя на волнорезе, и, помешивая носком ботинка dranku, глядел на чаек. Ночью мы беседовали и как!

Мы сошлись на том, что рыбаки были правы, что Большая Волна пришла из-за того, что власти графства выбирали слишком много песка с побережья (разве мы не говорили, что к добру это не приведет?). Мы говорили о немке-поварихе, работавшей в гостинице, что наверху – она уступила мольбам всех знавших ее: люди просили ее не уезжать из-за войны. Мы сошлись на том, что, принимая во внимание все обстоятельства, мы бы на ее месте, скорее всего, уехали бы домой, как бы нас ни уговаривали. А уж что мы говорили о светомаскировке! Старуху как прорвало, она болтала без умолку. Ей это нравилось.

Я тоже был не против, но в конце концов сказал:

– Теперь я пойду. Я собираюсь написать книгу об Англии и Германии, о Геринге и Отто Штрассере, о том, как закончится эта война и что будет после нее. Быть может, я снова появлюсь у вас ближе к Рождеству. А пока – прощайте.

– Эх, жаль, что вы уходите, господин, – сказала она. – С вами было хорошо. А вы собираетесь написать книгу? Вот прямо вот так?

– Ну да, – ответил я. – Я раб привычки. Кто-то может взять книгу, кто-то – обойтись без нее. Я не таков. Я как алкоголик – каждый последующий бокал уж точно будет последним! Я всегда готов проверить какую-нибудь Treppenwitz⁴.

– А что это такое? – спросила она.

– Шутка или что-то в этом роде, о чем вы думаете после вечеринки, спускаясь по лестнице, – сказал я. – Вы говорите о том, чего вы хотите. Но у меня есть преимущество над этими тормозящими шутниками – я возвращаюсь и реализую свои шутки, пусть и в другой книге. Никто не скроется от меня. Так-то вот!

– Хм... это интересно, – проговорила она, стрельнув в меня своим светлым, но пустым взглядом. – До свидания, господин.

Поднимаясь в гору по тропинке, я буквально чувствовал, как этот глаз сверлит мне спину. Добравшись до верхушки, я оглянулся и помахал рукой. Она стояла перед домом, посреди остовов других домов, в которых когда-то жили друзья ее детства. Под ногами у нее копошились цыплята.

В поисках Отто Штрассера я отправился во Францию. Я ехал поездом и плыл на пароходе. Поезд то и дело останавливался. Пароход отчалил на несколько часов позже. Так как все каюты были заняты, ночь я провел, расхаживая по палубе. На следующий день я был уже во Франции – я наслаждался бокалом Дюбонэ, ел омлет с грибами, потягивал Клико, для контраста вкусов заедал кусочком Бри, пил кофе с ликером «Гранд Марнье». О, земля гастрономического совершенства, земля искусства жить!

⁴ Дословно – «лестничная шутка». – *Примеч. пер.*

Радостный и беззаботный, я ненадолго заскочил в Париж. Мне казалось, что его улицы полны призраков британских солдат, рванувших сюда в 1918-м с передовой, чтобы отпраздновать победу. Победа!

Вдохнув таким образом полной грудью парижского воздуха, я побрел на Монпарнас. Я искал Отто Штрассера. В итоге я нашел его в скромной комнатке отеля, расположившегося на одной из тихих улочек.

Я видел простых беглецов, которые становились королями. Я видел королей, которые, находясь в ссылке, становились обычными людьми. Я видел президентов в дворцах и на съемных квартирах. Я видел, как доходят до пика популярности и уходят в небытие политики – словно целлулоидный мячик, что пляшет на струе фонтанчика в тире. Передо мной был человек, которому только что не удалось сыграть большую роль, человек, который назвал Гитлера обманщиком в то время, когда все остальные аплодировали ему и называли гением, человек, которому, возможно, в ближайшее время все-таки придется сыграть роль очень заметную.

Я с головой окунулся в изучение этого человека по имени Отто Штрассер. И вот он перед вами.

Итак – занавес!

Глава 2

Набросок к портрету

На некоторых снимках фотографии ставили Отто Штрассеру суровый взгляд, он сжимал губы подобно диктаторам всех времен, принимая вид сильного-человека-кандидата-на-победу.

Отто Штрассер и правда может быть таким, однако обычно он не носит на себе подобную личину. Обычно он энергичен и улыбочиво дружелюбен. Я не имею в виду, что у него с лица не сходит улыбка, нет, но его естественное состояние – это веселость и сердечность. У него нет внутренней ненависти к жизни и к своим соратникам, что явно есть у Гитлера и что придает последнему облик человека подозрительного, якобы все и вся контролирующего и пресекающего любые попытки самостоятельности.

Штрассер в гораздо большей степени боец, чем Гитлер. Никто не скажет, что он будет распускать нюни и терзаться от того, что самого главного врага человечества, марксизм, нельзя засадить в концлагерь; он сражается даже тогда, когда ситуация складывается не в его пользу, хотя в его сердце живет неутихающая ненависть к людям, за которыми числится суровый, даже кровавый должок, и уж если они попадутся ему, то заплатят по самому высшему разряду.

Однако все это никак не проявляется у него на лице, ибо его внутреннее «я» выглядит совершенно иначе. Двадцать пять лет борьбы, предательства, разочарований, расстройств, непрекращающегося поиска и балансирования на грани смерти не запечатлелись на нем вопреки тому, как обычно бывает с людьми, достигшими высшей власти. Он остается таким веселым парнем, которому живется нелегко, но который любит от души, пьет и ест тоже от души, выполняет свое предназначение с удовольствием, никогда не забывает про свой револьвер, парнем, которому надо переделать кучу дел, который любит свою страну и еще – любит смеяться.

Он являет собой полную противоположность Гитлеру. Гитлер – это любитель пирожных, проповедующий спартанский образ жизни; Гитлер – сторонник безбрачия, одновременно ратующий за большие семьи; Гитлер – любитель передвигаться на машине и покоиться в кресле, ратующий за физкультуру и спорт; Гитлер – это некурящий и непьющий вегетарианец, стоящий во главе одной из самых любящих поесть и выпить наций в Европе. Гитлер – проповедник борьбы до последнего и человек, отдающий приказ о самозатоплении даже неповрежденным кораблям. Гитлер, написавший книгу под названием «Моя борьба», в жизни этой самой борьбы практически не знавший. К вершинам власти он прибыл в мягком сиденье автомобиля, как Ал Капоне в окружении телохранителей.

Штрассер же не прекращал борьбы с 1914 года.

Я бы назвал его типичным немцем – но не в том смысле, в каком это слово сегодня используют в Британии люди, которые не знают Германии и в сознании которых просто живет некий образ вульгарного и напыщенного толстяка. Словосочетание «типичный англичанин», используемое такими же людьми, но в Германии, также имеет нелестный оттенок. Англичане поистине изумились бы, если б узнали, что рядовой немец находит в их внешности что-то от *Raubtier*⁵, нечто плотоядное.

Я очень долго прожил в Германии и полагаю, что обычный немец – это необъяснимая смесь хорошего и плохого, стойкости, энергичности, трудолюбия, юмора, таланта, с одной стороны, и грубости, зависти и бесчувственности – с другой. Однако, как ни странно, немцы обла-

⁵ *Raubtier* – хищник (нем.). – Примеч. пер.

дают замечательным чувством юмора, и я частенько думал о том, что моим соотечественникам, у которого его слишком мало, стоит у них поучиться⁶.

Разница между Штрассером и Гитлером, который не похож ни на одного человека и практически не похож на немца, достаточно хорошо показана Германом Раушнингем, некогда близким другом Гитлера, в его книге «Гитлер говорит» (на примере брата Отто, Грегора Штрассера):

«В Данциге да и на большей части Северной Германии Грегора Штрассера всегда уважали больше, чем Гитлера. Натура Гитлера была непонятна немцам севера. А тут – высокий, крупный Штрассер, чревоугодник и любитель выпить, чуть самолюбивый, практичный, с ясной головой, быстрый на действия, никакого пафоса и напыщенности, со здоровой крестьянской логикой – это был человек, которого мы понимали. Я присутствовал на последнем митинге перед тем, как мы пришли к власти. Дело было осенью 1932-го в Веймаре. Весь митинг определял Грегор Штрассер. Гитлер просто потонул в море растерянности и обвинений. Положение партии было отчаянным. Штрассер хранил спокойствие; уверенно и методично он добился того, что панические настроения были задушены. И именно он вел тогда партию. Гитлер же просто отошел в сторону».

В принципе, данное описание справедливо и для Отто Штрассера, потому что два брата были очень похожи. И если бы не интриги и резня, перед которыми бледнеют все средневековые козни итальянских князей и гангстерские войны Чикаго, то именно Штрассеры, а не Гитлер могли стать руководителями Германии. И тогда Германия никогда не узнала бы приятной, но истеричной и псевдопатриотичной жалости к себе и не пережила бы того самолюбования, которые она увидела при Гитлере. Возможно, что тогда удалось бы избежать войны. Быть может, скоро придет время, и Отто Штрассер подхватит дело своего брата.

Отто был достаточно симпатичным юношей – это мы видим на его фотографиях времен призыва в армию. Сегодня это мужчина средних лет, почти лысый, полный той неутомимой энергией, что удивляет всех иностранцев и утомляет многих имеющих дело с немцами. Я не лентяй, но после долгих часов дискуссий, споров, изысканий, сравнений мне зачастую уже хотелось крикнуть «хорош!», между тем как Отто Штрассер, казалось, только принимался за дело. Мне нравится эта энергия, я даже восхищаюсь ею. Кстати, то же самое можно сказать и о самом главном сопернике Отто Штрассера – Германе Геринге. Все это продукт немецкого климата и немецкого образа жизни.

А теперь представим, что Отто Штрассер идет быстрым шагом по темным парижским улицам. Человек среднего роста, в меру грузный, в меру коренастый, тяжеловатое, немецкого покроя пальто, такого же немецкого вида шляпа. Вы вряд ли обратите на него внимание, но он может сделать так, что вы его заметите. В нашем мире, этом театре марионеток, невидимая рука Судьбы в последнее время мягко, но постоянно подергивает за нити, ведущие к этой фигуре, проверяя их на прочность.

Это единственный человек из всех, покинувших Германию, который *сражался!* Беглецы рассеялись по многим странам. Кто-то тихо ушел в полное забвение. Другие, особенно эмигранты-евреи, развязали оглушающую всех и вся словесную войну. Они ведут себя очень дерзко – но в прессе, на радиостанциях Парижа и Лондона.

⁶ Описывая самое начало войны в своих Daily Sketch, леди Оксфорд приводит замечательный пример британского юмора, показав разницу между теми счастливыми британцами, у которых оно есть, и теми, кто его лишен. В один прекрасный день, пишет она, ей посчастливилось сидеть рядом с Иохимом фон Риббентропом на одном из званых обедов. И вдруг она, ничтоже сумняшеся – страшно даже представить такую непосредственность! – сказала ему: «Я нашла у немецкого народа один недостаток: у него никогда не было чувства юмора». Ни Гете, ни Вагнер, добавила она, не обладали им; единственный немецкий писатель, известный своим юмором, так и тот был еврей – Гейне. На что Риббентроп заметил, что они с Гитлером частенько просто катаются со смеху, причем в прямом смысле этого слова. «Если бы он не сказал это серьезно, – подчеркнула леди Оксфорд, – то я бы подумала, что он просто дурачит меня. Я сказала: «Вы и правда думаете, что *это* говорит о наличии чувства юмора? Скажу только, что, если бы кто из моих детей повел себя таким образом, я бы отправила его спать». – *Примеч. авт.*

Но этот человек вступил в сражение, причем в одиночку, против Гитлера. Где бы он ни был, была ли у него какая возможность или нет, он мог бы совершенно спокойно и с полным основанием описать свои деяния в книге и назвать ее «Моя борьба» – потому что это была именно борьба. Борьба с морозами и туманами, полицией и паспортами, борьба с тайными преследователями и ложными друзьями, с убийцами и преступниками, с бедностью и поношениями, борьба с пулями и ядом.

Я не знаю, принесут ли ему удача и его личные качества то место, за которое он борется. Когда я первый раз встретил его, он читал книгу о Наполеоне, и в какой-то момент я спросил его: «Надеюсь, вы не хотите подражать Наполеону?» Он улыбнулся в ответ. Он часто говорил о новой Германии, которую он хотел бы построить и видеть Четвертым рейхом. Тут я опять удивился – хорошее новое название гораздо лучше модифицированного старого, тем более дискредитировавшего себя. А однажды он сказал мне, что весь этот продуманный и детально проработанный план создания нового рейха явился ему неожиданно, как видение. В душе моей появились какие-то сомнения – нам и так хватало видений, посещавших Гитлера.

Но будущее – за ним, и все зависит от него. Его прошлое полно усилий, мужества. Оно заслуживает уважения и того, чтобы о нем помнили. Если он достигнет желаемого, все это войдет в историю со страниц сотен книг. Но даже если он потерпит поражение, то это в любом случае – громкая и хорошая история.

Глава 3

Начало

По-настоящему жизнь Отто Штрассера началась – подобно многим мужчинам, родившимся в Европе на рубеже веков, – с началом в 1914 году мировой войны. С момента ее приостановки, то есть с 1918 года, в его жизни, как говорят, было всего лишь пара минут покоя в год. Война вовлекла его в водоворот событий тех бурных лет, которые до сих пор каким-то особым образом воздействуют на нас.

Если сегодня мы посмотрим на тот тихий семейный круг, в котором вырос Отто, то увидим, что он совершенно типичен для большинства семей того времени. Старший брат, Грегор, мертв – его убил человек, которого он сам и выпестовал – Гитлер. Второй брат, Пауль, монах-бенедиктинец, последнее время живет в Бельгии; в Германии ему жить не давали, но ему удалось бежать оттуда целым и невредимым. Вообще о Пауле нужно сказать особо. После прихода Гитлера к власти он отправился в паломничество в Рим с группой молодых немцев. За это в газетах против него была развязана настоящая кампания, и на обратном пути его арестовали прямо на границе. Выйдя из заточения, он решил не давать своим преследователям нового шанса и уехал в Австрию, а оттуда, незадолго до вторжения Гитлера, в Бельгию.

Сам Отто находится в ссылке. Он – вне закона, и на протяжении многих лет за ним гоняются в разных странах мира. Самый младший брат, появившийся на свет на десять лет позже Отто, адвокат по профессии, служит младшим офицером в гитлеровской пехоте. Его зять, муж младшей и единственной сестры, является полковником той же армии. Грегор, Пауль и Отто служили на офицерских должностях во время Первой мировой войны 1914 – 1918 гг.

Отто Штрассер родился 10 сентября 1897 года в баварском городке Виндсхейм. А за девять лет до этого неподалеку, в Браунау, что лежит аккурат напротив через границу с Австрией, появился на свет Адольф Гитлер. Однако эти два человека жили в совершенно разных мирах. Для того чтобы понять кого-то, нужно знать его происхождение. Так сказать, корни. Никто не может сказать что-то о корнях Гитлера. А вот у Отто Штрассера таких корней было три: глубокий немецкий патриотизм, унаследованная религиозность и сильные социалистические, отчасти также наследственные, убеждения.

Эти три аспекта и сформировали этого человека. Патриотизм был воспитан в нем местностью, в которой он родился, одним из самых красивых и замечательных мест во всей Германии – Франконскими землями Баварии. Здесь один потрясающий город соседствует с другим, не менее замечательным. В нескольких километрах от Виндсхейма лежит Ротенбург – потрясающий «живой» образец средневекового города, со стенами и башнями; мать Отто родилась в Динкельсбюле, по своей красоте соперничающем с Ротенбургом, и выросла в знаменитом деревянном Deutsches Haus⁷, посмотреть на который съезжаются туристы со всего мира. Ее отец держал в этом родовом гнезде благородного баварского семейства гостиницу. Дед Отто Штрассера также был весьма тесно связан с Баварией, землей, вторая религия которой – пиво. Он делал чудное пиво, ибо был преуспевающим крестьянином и владельцем пивоварни. Место, где рос Отто Штрассер, было поистине чудесным; иностранец может всю жизнь думать и так и не найти ответа на вопрос о том, как соотносятся между собой эти благолепные города, благодатные и возделанные земли и то, что творит сегодня государство Германия.

Обитатели этих мест были благочестивыми католиками, и Штрассеры не отличались в этом от всех. Как, впрочем, и в остальном. Здесь-то и зародилось его религиозное чувство.

⁷ «Немецкий дом» – памятник средневековой архитектуры в г. Динкельсбюль в стиле фахверк. Построен в 1440 г. – *Примеч. пер.*

Третий из корней Отто Штрассера, политический, явился на свет достаточно необычно.

Политическая мысль, словно плоды на дереве, традиционно «процветает» во Франконии, которая дала Германии больше политиков, чем любая другая немецкая земля. Среди них – Штейн, Меттерних, барон фон Дальберг, Франц фон Зиккинген, Ульрих фон Гуттен и Флориан Гейер. Внешне отец Отто Штрассера был образцом тихого, прилежного, государственного чиновника не самого высокого ранга, служившего по судейской части. Но сердцем он был революционером и социалистом – но на христианской, не марксистской платформе.

Его ум, скрывавшийся за оболочкой рассудительного, рядового обывателя, был недоволен тем, что видели его глаза. Ему не нравились все эти придворные, вся эта роскошь, а потому он написал и анонимно напечатал (как и должен поступать госслужащий, если он хочет выразить свои мысли) книжку под названием *Der Neue Weg* (Новый путь), в которой изложил свои политические идеи в отношении Новой Германии. В то время, да и долгие годы после, многие немцы думали о Новой Германии. Пройдет всего несколько лет, и молодой Адольф Гитлер тоже начнет думать о ней. Книга была напечатана под псевдонимом «Пауль Вегер», хотя звали автора Петер Штрассер.

Политический зуд не давал Петеру покоя, и вскоре он пишет вторую книгу, однако тут за этим занятием его застает жена. Она была типичной супругой чиновника – со свойственным женщинам порывом она боролась за спокойное, прозаическое существование своих детей, за пенсию в конце жизни, на которую ее муж мог, как госчиновник, вполне рассчитывать, если только он будет держать язык за зубами и не рассказывать никому о своих убеждениях. В эту минуту в доме Штрассеров можно было услышать звуки легкой перебранки, однако, в конце концов, Петер Штрассер, человек мирный, отказался от своей затеи и запер рукопись в ящике стола.

И тем не менее, именно тут и появился тот политический «микроб», который, несмотря на все противостояние *Hausfrau*⁸, некоторое время спустя обнаружился в крови сыновей Петера. Точно такой же спор состоялся позднее и в жизни Отто Штрассера. Он привел к разводу с первой женой (сегодня он женат уже в третий раз). Однако, в отличие от отца, Отто Штрассер вышел победителем в этом домашнем споре, решив скорее расстаться с супругой, нежели поступиться своими политическими убеждениями. Он был непоколебимым революционером и социалистом, а его отец – разочарованным революционером и социалистом. Именно поэтому впоследствии отец всегда принимал сторону Отто во всех спорах.

Я написал здесь обо всем этом потому, что подобные детали помогают нам понять Отто Штрассера сегодняшнего: родная Южная Германия, религиозное воспитание, унаследованный интерес к политической проблематике.

Остальное – до тех пор, пока в воздухе не запахло порохом – к делу не относится. Почти. Школу он закончил в 1913 году, и поскольку отец не мог позволить себе платить денег за учебу (а он уже платил за учебу Грегора в университете и Пауля в гимназии), то Отто поступил учеником на текстильную фабрику.

«Это был ужасный год, – вспоминает он, – шесть месяцев при бухгалтерии и шесть месяцев в цехах». В первые полгода он научился только наполнять чернильницы (печатные машинки еще не добрались до этой фабрики), переписывать письма, приносить еду клеркам и рабочим в 10 утра и гасить штемпелем марки. За вторые полгода, уже будучи на фабрике, он научился лишь паковать продукцию. «Сегодня я могу упаковать товар как вам угодно... никогда не утеряю этого навыка». В сентябре 1914-го он смог продолжить обучение, – к тому моменту появились деньги, но... в воздухе уже слышались залпы орудий Первой мировой.

Отто Штрассеру было 16 лет и 10 месяцев. 2 августа 1914 года, будучи в Аугсбурге, он записался добровольцем на фронт. В этот же день то же самое сделал и Гитлер, но только

⁸ Хозяйка дома (нем.) – Примеч. пер.

в Мюнхене. Штрассер хотел попасть в легкую кавалерию – о, эти длинные шинели, тяжелые сабли, бряцанье шпор! – однако, когда его вместе с тремя сотнями других добровольцев заперли на трое суток в казарме при школе верховой езды, забыв о них, он круто поменял решение и был зачислен в Четвертый артиллерийский полк. Причем взяли его туда только на испытательный срок в шесть недель – Штрассер показался слишком хилым для этого! Однако шесть недель превратились в пять лет.

Тогда он был шестнадцатилетним юношей. И именно в эти годы сформировались его характер и личность. И хотя война закалила его любовь к родине и к своей армии, он, тем не менее, с ужасом думал о том опыте, который он получил, будучи в шкуре новобранца и молодого бойца армии имперской Германии. Его описания пережитого лишь углубляют растерянность, царящую в душе иностранца, размышляющего о двойственности немецкого характера, о существовании в одной природе одного народа двух крайних противоположностей, когда самые высокие военные и гражданские человеческие качества стоят бок о бок со звериной жестокостью.

В глубине души Штрассер был настоящим солдатом, однако он считает офицеров запаса того времени самыми отталкивающими созданиями, когда-либо встречавшимися на его пути. Из 300 человек, числившихся в его подразделении, было около 180 студентов. И эти офицеры от всей души вымещали на них свою злобу и раздражительность. Причем делалось это таким образом, что в душе Штрассера поселилось неискоренимое неприятие этого сорта людей, ныне, к слову, составляющих верхушку командования чернорубашечников.

Но дадим слово самому Штрассеру. Пусть он расскажет об этом своими устами. «Как-то субботним днем, дело было в октябре 1914 года, когда мы готовились к увольнительной в город и надели было самую лучшую форму, причем девушки уже ждали нас снаружи, к нам зашел громила сержант, выгнал нас на плац и буквально заорал: «Кто говорит по-английски или по-французски – встать справа, кто играет на пианино – слева». В то время в войну только что вступила Турция, и мы, по простоте душевной, подумали, что тех, кто может понимать команды, отдаваемые турецкими офицерами на английском или французском, отправят в Восточную армию. Поэтому большинство встало справа. Тогда этот толстяк сержант выпятил свое пузо, злобно глянул на нас и сказал: «Значит, так. Сейчас любители играть на фортепьянах отправятся скрести полы, а умники-зазнайки, которые справа, до ужина будут драить сортиры. Остальные могут идти. Разойдись!» И с тех пор я никогда не заявлял в армии о своих каких-то умениях и способностях интеллектуального плана. Я пошел в туалет, увидел, что там все забито и вообще, кругом бардак. Тогда я попросил у нашего капрала длинный кусок толстой проволоки с крючком на конце, чтобы было легче чистить сортир. Когда я чистил нужник, капрал подошел и спросил: «А что это ты делаешь?» Я по уставу ответил: «Согласно приказу, чищу туалеты». «Ах ты, хитроумная тварь... встань на колени и чисти руками, как это делают солдаты». Мне пришлось просто лечь в это дерьмо и выгребать оттуда все руками. С того дня я возненавидел этих людей, которых не пронять ничем. Сегодня они все в СС. Эсэсовский дух родился именно там и тогда».

(Эсэсовцы, о которых говорит Штрассер, это одетые в черную униформу члены *Schutzstaffel*, бывшего элитного подразделения чернорубашечников, позднее занимавшиеся охраной концлагерей, пытками, убийствами и борьбой с «внутренним врагом».)

В четыре часа утра поднимали, чтобы идти в конюшни – чистить солому. Штрассер случайно предложил использовать вилы – тогда навоз падал на землю, а на вилах оставалась чистая солома. Но тут опять пришел тот же капрал, ненавидевший «проклятых умников», и приказал проделать всю работу руками. Один такой же тип заставил молодого призывника пить из плевательницы с окурками. Парень не смог вынести такого позора и застрелился.

В такие вещи практически невозможно поверить, но они происходили в Германии, и вы слышите рассказ о них, исходящий из уст немецкого патриота. Я знал о них, да и многие ино-

странцы знали об этом, и понимали, что этот дух, эти ничтожества окажутся в первых рядах, если национал-социалисты Гитлера одержат победу. Так и случилось; и хотя я не верю, что подобное происходит в немецкой армии сегодня, они проявились – как совершенно справедливо заметил Отто Штрассер – в другом виде: в зверствах СС и концентрационных лагерях. (Почти о том же самом я писал в своей «Ярмарке безумия».)

Хуже всего было Штрассеру из-за того сержанта, который особенно ненавидел его, видимо, из-за того, что тот был «умником».

В апреле 1915-го, уже на фронте, когда батарея стояла на позиции, он заставлял Штрассера ежедневно, в четыре часа утра, начищать ему сапоги. Он выставлял их на улицу и говорил: «Ну не пойду же я сам за ними на холод». Позднее, когда часть находилась в резерве, он поручил Штрассеру, хотя тот уже был капралом и не должен был ухаживать за лошадьми, почистить больных лошадей, некоторые из которых были настолько завшивлены, что их проще было пристрелить. При первом прикосновении к животным вши оказывались и на человеке, так что его товарищи по оружию не допускали его даже в палатку и он был вынужден ночевать на открытом воздухе. Это и случилось со Штрассером. Его, пытавшегося хоть как-то уснуть, обнаружил один из офицеров. Он выслушал его рассказ и приказал никогда больше не использовать его на этой работе. Сержант же получил 14 суток ареста. Отбыв наказание и возвратившись в расположение, он случайно столкнулся со Штрассером. Он двинулся на юношу, изрыгая проклятия на том непечатном жаргоне, которым общались в те дни с нижними чинами подобные типы. «Сейчас я твои мозги по стене размажу», – орал он.

Штрассер вытащил револьвер и приготовился стрелять, на что сержант закричал: «Ага! Вот ты и попался! Ах ты..» – и он подал жалобу в военный суд. Но Штрассер был оправдан, а сержант вновь получил наказание.

Эта история имела свое продолжение. В январе 1918 года Штрассер уже командовал на фронте артиллерийской батареей. И однажды к нему прислали пополнение. Среди солдат оказался и тот человек. Штрассер спокойно сказал ему, что о давнем инциденте можно забыть, но что если он хоть раз неуважительно поведет себя в отношении к капралу, то его разжалуют. Сержант батареи получил указание пристально следить за этим человеком, который, к слову, впоследствии был все-таки пойман за руку. Он предстал перед трибуналом, его разжаловали и он получил пять лет исправительных работ.

Когда все это начиналось, Отто Штрассеру было семнадцать лет. События эти крайне важны для понимания человека, который мог оказаться в горниле истории – потому что они объясняют и проясняют слова, которые он произносит сегодня: «Именно с тех пор во мне жила неизбывная ненависть к милитаризму как явной противоположности солдатской профессии вообще, ведь это совершенно разные вещи». Они также объясняют и его ненависть к гитлеризму, который для него означал лишь одно – что Германия оказалась в тисках человека, обращавшегося с ней так же, как с ним в 1914 году.

В октябре 1914-го, боясь, что война закончится, а он так и не попадет на фронт, Штрассер, будучи уже вполне подготовленным артиллеристом, решил перейти в пехоту. В то время 6-я Баварская пехотная дивизия резерва состояла из четырех полков – 16-го, 17-го, 20-го и 21-го. Адольф Гитлер служил в 16-м полку, ординарцем при штабе, и находился за линией фронта. Штрассер попал в 20-й полк и семнадцати лет от роду сразу оказался в окопах Фландрии. Против них сражались британские войска, на первых парах сикхи. Дело было при Витшете и Варнетоне.

Более половины добровольцев составляли студенты. Все они были примерно одного возраста со Штрассером. В бой они шли, подражая героям иллюстрированных книжонок, распевая *Deutschland über Alles* – и в результате, при Варнетоне полк, в котором сражался Штрассер, потерял 70% личного состава. «Огонь англичан, – говорит он, – был просто убийственным».

Там он пробыл до марта 1915-го. Затем его батальон перебросили на русский фронт. Ночные марши давались тяжело – было очень холодно, и даже кофе застывал во флягах. Люди без сил валялись на обочины дорог, и даже угрозы офицеров, размахивавших над их головами саблями и пистолетами, ни к чему не приводили. Сутки они проспали в заброшенной фабрике – и не успели они подняться, как тут же пришел приказ возвращаться. Англичане начали наступление при Невшателе.

В марте 1915 года Штрассера вернули в артиллерию. После небольшого разбирательства его отправили под Армантьер, где он и получил свой Железный крест 2-го класса, сдерживая в конце лета ожесточенные атаки англичан. В сентябре того же года он был уже сержантом; в мае 1916-го его тяжело ранило осколком снаряда. В канун Рождества 1916-го, в самый разгар подготовки к празднику, он получает приказ перейти на службу в новый, Третий дивизион Первого Баварского резервного артиллерийского полка. В сражении при Вердене он отвечал за телефонную связь между своей батареей и остальными подразделениями. В мае 1917-го он уже был унтер-офицером, а в октябре того же года – лейтенантом артиллерии.

На Западном направлении шли жестокие бои – армии противников сцепились намертво. И вот началась его служба уже в качестве офицера немецкой армии. И сегодня его ненависть к тогдашним офицерам запаса не уступает его восхищению офицерским корпусом немецкой армии. В нем он нашел и, как говорится, больше демократии, и более здоровый человеческий дух. Здесь он открыл и свое призвание – быть солдатом.

Командиром его батареи был граф фон Хертлинг, племянник и тезка тогдашнего канцлера Германии. Отто Штрассер так рассказывает о человеке, которым он восхищался:

«В офицерский корпус – то есть начиная с лейтенантского звания – не допускался никто, если на это не было *единодушного* согласия всех офицеров подразделения. Это было что-то вроде клуба, и его правила соблюдались крайне ревниво. Без такого единогласного одобрения со стороны офицерского корпуса даже сам король Баварии (Штрассер все время служил в баварских подразделениях. – *Авт.*) не мог назначить этого офицера. Тогдашний военный министр Баварии был крайне раздражен, что его сын, назовем его граф N, не был принят в ряды офицеров. Командир того полка спросил графа фон Хертлинга, командира батареи, почему он выступил против кандидата. На что Хертлинг ответил: «Он ничего не может, трусоват, и толку от него никакого». Через несколько недель от военного министра Баварии пришла срочная телеграмма. В ней он спрашивал, почему граф N не получил офицерского звания – ведь Его Величество хотел, чтобы тот стал офицером аккурат к Рождеству. Тогда комполка собрал офицерское собрание – он хотел, чтобы остальные офицеры провалили инициативу графа Хертлинга. Он выступил перед офицерами, рассказал о случившемся, после чего произнес: «Итак, господа, это – сын военного министра. Да и к тому же у нас в армии и так достаточно глупых офицеров... ну, будет еще один – какая нам разница. И вообще, этого желает Его Величество. Ну просто папа его так сказал. В Мюнхене при дворе зреет большой скандал». Граф Хертлинг ответил: «Я, конечно, могу понять, что господин папа беспокоится по этому поводу, но жизни солдат, которые окажутся под командой графа N, если он станет офицером, гораздо важнее, чем недовольство придворных в Мюнхене». После этого все присутствующие офицеры проголосовали – и «за» позицию Хертлинга оказалось гораздо больше офицеров, так что предложение полковника было отвергнуто. Его Величеству королю Баварии и военному министру не оставалось ничего иного, как отозвать молодого графа N и перевести его в более послушный полк – но Первый Баварский артполк был лучшим в государстве; он стоял на одном уровне с гвардией. В конце концов, граф N, конечно же, получил свои погоны лейтенанта, но произошло это в каком-то дальнем и обычном полку под номером 46 или что-то в этом роде».

Это еще один пример, дающий представление об этой стране, Германии, и о немце Отто Штрассере. Во время политических потрясений, последовавших за войной, Штрассеры всегда поддерживали армейских и имели друзей в самых высших эшелонах военного командования.

И действительно, когда Гитлер пришел к власти, то именно военные хотели свергнуть его и передать это место Грегору Штрассеру. Что и послужило одной из причин большой чистки 30 июня 1934-го и убийства Грегора Штрассера. Нити этой дружбы никогда не порывались и, возможно, в будущем они еще сыграют свою роль.

И вот произошло последнее великое потрясение Первой мировой войны, последняя победа Германии в этой войне великих немецких побед, но не войне победоносной. Царская Россия развалилась, страна переживала муки большевистской революции, зараза которой посредством Ленина и толпы окружавших его иностранцев была послана туда именно из Германии. В немецком тылу стало тихо; вся мощь немецкого оружия могла быть обращена на запад – нужно было успеть до того, как на континент высадятся американцы. Людендорф предпринял свой последний великий бросок к победе. Пятая армия англичан ощутила на себе в полной мере всю мощь германского удара. Снова немецкая волна набегала на Париж, берег, о который она так часто плескалась, но так и не могла накрыть целиком.

В тот знаменательный день, 21 марта 1918 года Отто Штрассер находился в гуще событий, на передовой к югу от Сен-Кантена. Он был офицером связи у артиллеристов. В его обязанности входило поддержание связи между продвигавшейся вперед пехотой и находившимися позади артиллерийскими батареями. В этот день была впервые применена новая тактика – пехоту посылали в атаку сразу после артподготовки. То есть она шла буквально вплотную за удалявшимися в расположение врага взрывами собственных же снарядов.

Не потеряв почти ни одного человека и воспользовавшись утренним туманом, немецкие войска в вверенном Штрассеру секторе, на самом острие атаки, преодолели две линии британских окопов и увидели, что примерно в 350 метрах от них расположена артиллерийская батарея англичан. Командир пехотинцев отказался идти дальше. Тогда Штрассер спросил, кто пойдет с ним. Вызвалось семнадцать человек, и именно с ними Штрассер захватил батарею. В ходе схватки он ранил командира англичан из его же собственного пистолета и, когда тот, раненый, лежал на земле, спросил у него, где находится следующая батарея. «Я не скажу ничего», – отвечал офицер. «Тогда я перебинтовал его, – рассказывает Штрассер, – и приказал его же подчиненным унести его с поля боя. Потом я развернул одно из британских орудий и подавил пулеметное гнездо противника, находившееся неподалеку».

За этот поступок и за другие подвиги, совершенные в те решающие дни, включая захват в плен штаба одной из британских бригад, Штрассер, который к тому моменту уже имел на груди Железный крест первого класса, баварский орден «За отличную службу», был дважды представлен к баварскому ордену Макса Йозефа. Это была очень редкая немецкая награда за доблесть, которую хотят получить даже больше, чем прусский орден Pour le Mérite, который носит Геринг, и которая как бы обозначает принадлежность к аристократии. Отто Штрассер мог бы вполне себя называть «рыцарь Отто фон Штрассер», точно так же, как Джон Браун превращается в сэра Джона Брауна. Но послевоенные события в Германии и исчезновение Баварской монархии положили конец его надеждам на получение этой награды.

Таковы были дни величия Отто Штрассера. Он познал приятное возбуждение от победоносного продвижения вперед, когда, казалось, за каждым новым объектом находится желанная победа. И в нем самом, и в его подчиненных жила очень сильная надежда. Он крайне уважительно относился к английской армии, против которой, в основном, и сражался, и к британцам как противнику. «Если англичане что-то начнут, – писал он тогда, – то они уже не отступятся». И я думаю, что тут он прав: сравнение с бульдогом порой действительно справедливо. Командир «Графа Шпее» скажет то же самое двадцать один год спустя...

Но той весной, ведя своих людей в атаку, он думал, что война складывается для Германии наилучшим образом. Ее армии захватили почти всю Европу; они сокрушили Россию, и вот теперь снова рвались к Парижу.

В такую весну молодой офицер просто не мог думать иначе. Людендорф обязательно выиграет эту игру! Какой же он полководец, с восхищением думал Штрассер и его друзья-офицеры. (Сегодня Штрассер говорит, что приходит в ужас, когда видит, как Гитлер повторяет ошибки Людендорфа. Людендорф завоевал одну страну, победил одного врага, одерживал победы одну за другой, много побед, но в итоге так и не победил. Гитлер делает то же самое, говорит Штрассер. Он проглотил две страны, он может хапнуть еще десяток, может идти от победы к победе, но он никогда не придет к большой Победе.) Оглядываясь назад, Штрассер склонен считать, что Людендорф совершил ошибку, направив после победы над Россией все оставшиеся силы против французских и английских армий на Западном фронте. Было бы лучше, считает он, если бы Людендорф использовал хотя бы часть сил, чтобы захватить Италию. Эта победа стоила бы несравненно меньших усилий, и тот эффект, который она бы вызвала, дал бы Германии весьма хорошие возможности, чтобы выторговать для себя оптимальные условия мирного договора.

Сейчас трудно что-либо сказать об этом. Но тогда, к лету, наступление германских войск замедлилось, американцы все прибывали и прибывали во Францию, и на душе у Отто Штрассера становилось как-то не так. К июню 1918-го стало ясно, что обещания германского Адмиралтейства остановить переброску американских войск во Францию через Атлантику, используя против кораблей противника подводные лодки, не сбылись. В Европе уже находилось около полумиллиона американцев, и каждый последующий месяц могло прибывать еще по двести пятьдесят тысяч человек.

«И они были неплохие солдаты! – говорит Штрассер. – Никогда не забуду впечатления от первого столкновения с американцами. Дело было 25 августа 1918 года. Моя батарея плюс несколько пехотинцев и пулеметчиков обороняла мост через канал недалеко от Суассона. Уже несколько дней мы отходили под натиском стремительно наступавшего, да к тому же численно превосходящего нас противника. У нас уже не хватало пищи и боеприпасов, мы не могли вывезти раненых и больных. У нас не было нормальной связи ни со штабом, ни с соседями на флангах. Мы окопались у этого моста и должны были сдерживать наступающую французскую армию – против нас действовали африканские подразделения, из колоний. Нам поручили продержаться как можно дольше, чтобы прикрыть отступление основных сил. И вот прошло несколько часов, а мы, к своему изумлению, так и не увидели противника. Вместе с ординарцем мы поскакали через мост и выехали на пустырь за ним, достаточно большой, километра два примерно.

Внезапно я увидел, как прямо передо мной, метрах в восьмистах, за скрытым деревьями поворотом бесконечные колонны солдат. Они шагали в колонны по четыре, такие бодрые, распевали песни... Одеты все были с иголки – от касок до ботинок. Они шли и пели, молодые, радостные парни... словно и войны вокруг нету. Четыре года назад, летом 1914-го мы точно так же шли на фронт.

И вот когда я смотрел на них, у меня в душе впервые зародился страх. Я боялся, что мы проиграем войну. Что нам с того, что сейчас наши снаряды и пулеметные очереди покосят этих храбрых ребят в солдатских обмотках – точно так же, как косили во Фландрии нас английские снаряды и патроны в 1914-м? Этот людской поток был таким мощным и непрерывным, что неизбежно поглотил бы нас.

И, – добавляет Отто Штрассер (и это очень важно), – ни один немецкий солдат, переживший подобное, который своими глазами видел разницу между голодными, истрепанными, уставшими бойцами нашей тающей армии и накормленными, прекрасно снаряженными, хорошо обученными и отдохнувшими парнями этой бесчисленной американской армии, никогда бы не поверил в глупую и вредную сказку про то, что подобные разговоры, мол, злословие и предательство».

(Я сказал, что это замечание Штрассера важно, потому что Гитлеру удалось, благодаря нерешительности и бездействию, с которым остальной мир принял его успешные военизированные путчи, заставить немцев поверить в то, что они никогда не терпели поражений на поле брани, а проиграли ту войну только потому, что их предали забастовщики и всякие внутренние враги.)

И вот, вслед за триумфальной весной и полным сомнений летом пришла осень разочарования и отчаяния. Это был первый по-настоящему горький период в жизни Отто Штрассера.

Перед вами картина, переданная человеком, который, в отличие от Гитлера, всегда был в самой гуще схватки вне зависимости, был ли это обычный бой, наступление или отступление:

«Где бы ни атаковали нас войска союзников, наше Верховное командование защищало каждый клочок земли и траншеи ценой необычайно высоких потерь. Затем войска отводили на несколько километров, чтобы ослабить напряжение, и все повторялось сначала. Немецкие орудия уже выработали свой ресурс, а новые пушки не успевали поставлять в том количестве, которое было нужно. Немецкая артиллерия несла невосполнимые потери. Например, в батальоне немецкой армии по штату должно быть 500 человек. Через пару дней боев в нем оставалось уже 200 – 300 человек от списочного состава. Но и оставшиеся в живых уже были на грани физических возможностей. Теперь, например, дивизия была не сильнее, чем полк образца 1914 года, а может, даже и слабее. Личный состав пополняли за счет безусых юнцов или тех, кому стукнуло пятьдесят, отцов, дедов, больных, инвалидов. Форму шили из плохой материи, обувь была пошита из отходов кожевенного производства да к тому же полугнилыми нитками, кожаное снаряжение уступило место самоделкам из конопляных веревок. Еда, и без того плохая, постоянно уменьшалась в количестве».

Германия проиграла. «Тогда-то я и понял, что надежды уже нет, – говорит Отто Штрассер. – Повсюду царил дух отчаяния. В воздухе носились призывы к мятежу. Армия находилась в упадке. Игра закончилась».

Слава исчезала за горизонтом. Штрассер принимал участие только в арьергардных боях. Его батарея оказалась единственной в дивизии, которая не была захвачена противником. Он спас три своих орудия и еще три пушки прусского подразделения. В сентябре его настолько прихватил ишиас, что он не мог ни ходить, ни держаться в седле, так что его уже просто переносили. Бесславный конец столь торжественно начатого предприятия... Больной человек на носилках возвращался в поверженную в хаос Германию, которую он, юноша, снедаемый патриотизмом, оставил несколько лет назад благополучной и процветающей страной.

В канун германской революции Отто Штрассер оказался в мюнхенском госпитале; в другом госпитале, на другом краю Германии, в Пасевальке, лежал Адольф Гитлер.

6 ноября 1918 года Штрассер, ветеран войны двадцати одного года от роду, получил разрешение впервые выйти из здания госпиталя для самостоятельной прогулки, хоть и на костылях. Он использовал предоставившуюся возможность, чтобы навестить своих родителей, которые в тот момент проживали в Деггерндорфе. 7 ноября он должен был вернуться в больницу. Однако, приехав в Мюнхен, он стал свидетелем беспорядков на улицах города. Сотни восставших заполонили вокзал и захватил поезд, арестовав всех офицеров за исключением Штрассера, да и то потому, что он был инвалидом. Но они заставили его сорвать кокарду и офицерские погоны.

Тогда он выхватил револьвер – теперь он будет вынимать его то и дело на протяжении двадцати лет. Но к нему подошел какой-то солдат, доброжелательно попросивший не делать глупостей, взял револьвер и сказал толпе: «Я знаю его, он был моим командиром на войне. Он хороший человек, один из лучших. Оставьте его в покое».

Штрассер никогда не видел этого человека раньше. Он оказался членом революционного Совета рабочих, солдат и матросов. На рукаве у него была повязана красная лента. Он препро-

водил Штрассера до гостиницы и принес ему гражданскую одежду. Штрассер решил остаться в Мюнхене.

Такое возвращение домой разительно отличалось от того, которое немецкие солдаты рисовали себе в своих мечтах – традиционная, триумфальная встреча, девушки с цветами, радостные толпы встречающих, оркестры, охотничьи рожки и пиво. Нация, рванувшая на выстрел стартового пистолета, казалось, пришла к финишу. На самом деле, все только начиналось.

Глава 4

Запоздалое возвращение

Итак, опираясь посреди этого хаоса на пару костылей, Отто Штрассер критически оценил свою жизнь и задумался о будущем. Во-первых, он решил возобновить обучение, прерванное в 1913 году по причине отсутствия денег, а в 1914-м – из-за начавшейся войны. Но теперь у него также не было ни времени, ни денег. Краткие курсы (год вместо трех) были доступны только для тех, кто прервал свое образование во время войны. Но для него даже год был слишком большим сроком. Он мог рассчитывать только на свое офицерское жалованье, и то пока он лежал в госпитале, поэтому он решил, не мытьем, так катаньем, закончить годичный курс за полгода.

Однако сначала ему следовало поправить здоровье. С этой целью он отправился на скромный баварский курорт в Бад-Эйблинг, но и там, обретя, конечно, здоровье, он столкнулся с политикой. По случайному стечению обстоятельств именно здесь произошло его первое, пусть и не очень большое выступление на политической арене.

Однако прежде чем рассказать об этом, я хочу еще раз проследить эволюцию политических взглядов этого человека. Вначале ему (по наследству) досталась страсть к справедливому социальному устройству, которая есть во многих немцах. Досталась она от отца, баварского госслужащего, внешне спокойного, но внутренне очень импульсивного человека.

Затем во время войны, уже будучи офицером, он был вынужден давать своим подчиненным «патриотические наставления». Таков был приказ генерала Людендорфа, который уже в конце 1917-го чуял надвигающуюся катастрофу и хотел «поднять дух войск». В блиндажах и на квартирах солдаты собирались вокруг своего офицера, который, как предполагалось, должен был рассеивать их сомнения насчет войны, ее результатов, насчет того, за что сражается Германия. Он должен был убедить их, что все вопросы, сомнения, колебания находят свое разрешение в словах «кайзер», «фатерлянд», «патриотизм» и т.п.

В душе Отто Штрассер был социалистом – но социалистом особого порядка, как я уже говорил ранее – а потому вопросы, которые ему время от времени задавали подчиненные, хоть он и старался увильнуть от ответа или отделаться патриотическими лозунгами, терзали и мучили его. Некоторые из них и правда могли бы повергнуть в прах всех профессоров мира своей лаконичностью, емкостью, простотой выражения мыслей, на которые нет ответа, своими остроумными и вместе с тем глубокими репликами. Вот лишь один пример, прозвучавший в момент разговора на тему фатерлянда:

«Sehen Sie, Herr Leutnant, Ich bin ein Tagelöhner; Ich habe kein Land; mein Vater hat kein Land; also, was hast für mich Vaterland?»

Весь аромат этой фразы, конечно, несколько уменьшится при переводе, но выглядит это так: «Смотрите, господин лейтенант, я – поденщик, и земли у меня нету. И у отца земли нету. И что такое для меня тогда – Отечество?»

А вот еще вопрос, заданный рядовым Баварской армии, который в мирной жизни был рабочим на текстильной фабрике в Аугсбурге: «Господин лейтенант, что такое для меня Германия? Я зарабатываю свое жалованье, и оно никогда не бывает больше, зато меньше – бывает. Я могу заработать его в любой стране мира. И какая мне разница, английский ли, французский, итальянский, немецкий капиталист платит мне зарплату. Когда я стану старым и буду не нужен, они в любом случае вышвырнут меня. Так что такое для меня – Германия?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.